

Граффити как массовое явление возникли на волне протестных молодежных движений конца шестидесятых годов и долго несли на себе груз агрессивных эмоций. Сегодня внутри граффити сформировались течения, несущие позитивный эмоциональный заряд. Такие граффити используются для изменения настроения и поведения людей во многих странах мира. На примере иркутского граффитиста Мастера Бо (Карташова) показано, как «клеймо» бунтаря и вандала мешает художнику создавать позитивно настроенные граффити в Иркутске.

Ключевые слова: граффити; социальная психология, позитивное эмоциональное содержание; Иркутск; Мастер Бо. / Graffiti as a mass phenomenon emerged on the wave of protest youth movements at the end of the 1960s and has carried aggressive emotions for a long time. Today, graffiti includes the streams bearing a positive emotional charge. Such graffiti is used to change the attitude and behavior of people in many countries. Using the example of the Irkutsk graffiti artist Master Bo (Kartashov), the article shows how the stigma of being a rioter and a vandal hinders the artist from making positive graffiti in Irkutsk.
Keywords: graffiti; social psychology; positive emotional content; Irkutsk; Master Bo.

Поверить художнику / To Believe an Artist

текст
Константин Лидин /
text
Konstantin Lidin

Как и многие другие культурные явления сегодняшнего дня, граффити зародились в шестидесятых годах прошлого века. Первые граффитисты во главе с чернокожим Дэррилом Мак-Крэем (Darryl McCray) по прозвищу «Кукурузный хлеб» (Cornbread) были шрифтовиками. Они использовали недавно изобретенные маркеры для того, чтобы покрывать стены домов автографами в духе «Здесь были Ося и Киса», а также провокационными афоризмами в подрывном духе. Самые талантливые из этого поколения довели свое искусство до утонченной виртуозной графичности, почти до уровня мусульманских каллиграфов. Но к началу семидесятых движение выдохлось. «Кукурузный хлеб» заявил, что устал и уходит на пенсию; случилось это в тот же год, когда распались «Битлз».

Новое дыхание пришло к граффитистам в «эпоху хип-хопа», с изобретением аэрозольной упаковки для быстросохнущих красок – сперва на нитро-основе, а

затем и акриловых. Именно специфическая пластика мазка и линии, которую придает распыленная краска, создала своеобразную стилистику граффити – настолько узнаваемую, что Герцог и Де Мерон использовали ее для рисунка решетки фасада знаменитого дома по Бонд-стрит в Нью-Йорке.

Протестный характер граффити, тесно связанный с эстетикой хард-рока, а позже – панк-рока, между тем постепенно смягчался и терял политическую злободневность. Все более миролюбивые настроения сопровождались ростом масштабов росписей. В экспериментах латиноамериканских художников возникает «макро-муральная» живопись, покрывающая яркими цветными пятнами целые кварталы и районы. Знаменитым стал эксперимент группы Germen Crew в городке Пачука, Мексика (Pachuca, Mexico). Криминальный район трущоб Пальмитас (Palmitas) был полностью покрыт росписями. Расходы

оплатило правительство страны. Гиганское граффити площадью около 40 тысяч квадратных метров оказалось настолько жизнерадостным и веселым, что настроение и поведение жителей района стало заметно меняться. Снижился уровень преступности, жители заговорили о том, что гордятся своим районом и больше не стремятся из него выбраться. Район прославился на весь мир, в него хлынули туристы, а британские поп-звезды сняли несколько клипов на фоне громадных граффити.

Аналогичные эксперименты в 2017 году прошли в столице Колумбии Боготе, в Индонезии и так далее. Еще несколько подобных инициатив обсуждаются в разных городах обеих Америк и Европы.

В нашем отечестве мнения по поводу граффити разделились. Московские власти решительно и беспощадно повели борьбу с муральной самодеятельностью и победили. Стихийные граффити в столице практически

не встречаются, разве что в самых глухих и заброшенных углах. Кстати, таких углов почему-то много в самом центре, в пределах пятисот метров от стен Кремля. Возможно оттого, что чудовищная дороговизна этой земли парализует любую девелоперскую деятельность.

Иное дело в провинции.

Художник-муралист Мастер Бо (Борис Карташов) – не совсем типичный граффитист. Он, правда, не подписывает свои произведения, но и не скрывается под железной маской анонимности (наподобие Бэнкси). Он не самоучка: закончил сперва художественную школу, потом Иркутское художественное училище имени И. Л. Копылова, потом поступил на отделение монументальной живописи ИРНИТУ, в класс В. Г. Смагина. К третьему курсу понял, что в третий раз изучает опять все то же самое – и ушел, недоучившись.

В начале двухтысячных годов иркутские дизайнеры проводили масштабные выставки и фестивали, в том числе – конкурсы муралистов. Несколько раз в них участвовал Борис, каждый раз получая первые призы. Аналогичной победой завершился всероссийский конкурс «Граффити против наркотиков». На более масштабные конкурсы и фестивали не пошел – не хватило амбиций, да и подходящего продюсера тогда не нашлось.

Затем энтузиазм молодости постепенно сходил на нет, а житейские трудности, напротив, росли и росли. Болезни, смерть родителей, безденежье, доходящее буквально до голодовок. Родился сын, подрос, пошел в школу. Безденежье превратилось в привычный жизненный фон.

Помогает поддержка иркутских бизнесменов – друзей детства, теперь зарабатывающих на рынке криптовалют. От них иногда приходят заказы на уличные фрески. Наподобие правителей итальянских городов эпохи Ренессанса, эти заказчики не ограничивают творческую свободу художника, просят лишь какой-либо деталью упомянуть биткоин.

И вот на таких, предельно скромных условиях Борис согласен (и даже счастлив) покрывать иркутские стены талантливыми, профессионально исполненными фресками. Лишь бы хватало на еду и на баллончики с красками.

Однажды к работающему Борису подошел полицейский. Понаблюдав за процессом, произнес что-то в смысле – а ведь нельзя. Борис ответил в смысле – но ведь красиво! Ну да, красиво, ответил полицейский, но ведь нельзя... Но ведь красиво! – отвечал художник. И полицейский так и ушел, смирившись с приматом творчества над законом.

Работы Мастера Бо действительно красивы. В них нет истеричного протеста «против всех», нет злой иронии. Есть глубина и спокойная созерцательная радость от красоты мира. Некоторые работы по этому своему настроению напоминают позднего Поля Гогена, когда мастер отказался от пафоса переустройства Вселенной и вкусил радости эвдемонизма.

«В противовес беспокойству, вызываемому утерей ориентации, добротный образ окружения дает важное чувство эмоционального комфорта и помогает установить гармоничные отношения между личностью и внешним

миром» – писал Кевин Линч [1]. Наверное, нет смысла спорить о допустимости граффити как такового. Как всякое массовое искусство, граффити способно стимулировать злые и агрессивные силы – если несет злобу и агрессию. И – да, граффити может украсить наши улицы и нашу жизнь, если это будет нечто доброе и красивое. Сколько серых, грязных и облупленных стен в наших городах могли бы превратиться в яркие и живые произведения искусства!..

Сегодня, когда я дописываю этот текст, в московской Новой Третьяковке открывается выставка таинственного граффитиста Бэнкси. Его картины продаются за такие деньги, что иногда здание, на котором они написаны, идет бесплатно, просто впридачу к картине. Конечно, таких Бэнкси не может быть много. Но ведь большинство художников и не претендует на миллионные гонорары. Не мешали бы, сняли бы клеймо уличных хулиганов и вандалов, дали бы возможность к творчеству.

Литература

1. Линч К. Образ города/ пер. с англ. Глазычев В. Л.; ред. Иконников А. В. – М. : Стройиздат, 1982. – С. 26

References

Lynch, K. (1982). *Obraz goroda* [The Image of the City]. (V. L. Glasychev, Trans.). A. V. Ikonnikov (Ed.). Moscow: Stroyizdat.

